

Эволюция канадской политической культуры в 1931–1982 гг.

Илья Анатольевич Соков, д.и.н.

профессор кафедры международных отношений, политологии и
регионоведения, Волгоградский государственный университет.

400062, Россия, Волгоград, Университетский пр., д. 100.

E-mail: sokov@volsu.ru

В статье, написанной на основе канадских и отечественных источников, исследуются особенности эволюции канадской политической культуры после принятия Вестминстерского Статута 1931 г. британским правительством. Автором утверждается, что смена британской политической культуры на канадскую в течение полувека до принятия канадской конституции в 1982 г. проходила в сложной борьбе канадских интеллектуалов и политиков по обретению фактического суверенитета канадского государства путем развития канадского конституционного права, институциональных изменений и общественных представлений о канадской нации и государстве. Рассматривая тема является актуальной, так как позволяет понять сложность эволюционного развития канадских политических традиций и ценностей в этот переходный период от прав британского доминиона к североамериканской квазиреспублике.

Автор отвергает принятый в западной политэкономической и исторической литературе посыл, что канадская нация отличается от американской культурно-исторической традицией консервативного подхода в политической культуре, который заключается в слогане – «мир, порядок и хорошее правительство», и считает, что основной причиной затянувшегося формирования канадской нации и государства, является продолжающееся давление британских политических традиций и ценностей в канадском праве и канадских институтах. Патриация конституции не отменила Акт о Британской Северной Америке 1867 г. и не сменила роль монархии в жизни канадского государства, но обнажила и усилила проблемы федеративного развития.

Значимость авторских выводов заключается в том, что они позволяют объяснить нежизнеспособность и отказ от идеологии канадшизма в исторической ретроспективе, тщетные поиски канадской идентичности в европейских пародах в современных работах западных исследователей, существующую ныне неуверенность в предназначении канадской нации.

Ключевые слова: Акт о Британской Северной Америке 1867 г., Вестминстерский Статут 1931 г., Канадская конституция 1982 г., канадская политическая культура, Ф.Р. Скотт, Ф. Андерхилл, Дж. Ш. Вудворд, П.О. Трюдо.

Evolution of Canadian political culture in 1931–1982

Ilya Sokov

Professor, Volgograd State University.

100, Universitetsky Prospect, Volgograd, Russia, 400062

E-mail: sokov@volsu.ru

The article is written on the basis of Canadian and domestic sources, examines the evolution's features of Canadian political culture after the enactment of the Statute of Westminster, 1931 by the British government.

The article's author considers that the change of the British political culture to the Canadian one for half a century before the enactment of the Canadian Constitution in 1982 took place in a complex struggle of Canadian intellectuals and politicians to gain the actual sovereignty of the Canadian state through the development of Canadian constitutional law, institutional and other changes in public perceptions of the Canadian nation and state.

The topic is relevant, as it allows us to understand the complexity of the evolutionary development of Canadian political traditions and values during this transition period from the British dominion's rights to the North American quasi-republic.

The article's author rejects the message accepted in Western political economic and historical literature that the Canadian nation differs from the American cultural and historical tradition by the conservative approach in political culture, which consists in the slogan – "peace, order and good government" and believes that the main reason for the prolonged formation of the Canadian nation and state is the continuing pressure of British political traditions and values in Canadian political life, constitutional law and non-complete transformation of Canadian institutions.

The Constitution's patriation did not repeal the British North America Act of 1867 and did not change the role of the monarchy in the life of the Canadian state, but exposed and strengthened the problems of federal development, which are studied by the author in the second part of the article.

The significance of the author's conclusions lies in the fact that they allow us to explain the non-viability and rejection of Canadianism ideology by Canadians in historical retrospect, the futile searches for Canadian identity in the contemporary studies of Western researchers, the current uncertainty about the purpose of the Canadian nation.

Keywords: The British North America Act of 1867, the Statute of Westminster (1931), the Canadian Constitution of 1982, Canadian political culture, F.R. Scott, F. Underhill, J.S. Woodsworth, P.E. Trudeau.

Введение

Для того, чтобы перейти к анализу эволюции канадской политической культуры после принятия Вестминстерского статута 1931 г. следует напомнить, что его основная цель заключалась не в предостав-

лении определенных прав суверенности Канаде в различных вопросах внутренней и внешней политики, как можно встретить в утверждениях в отечественной и зарубежной литературе, а прежде всего, в создании правовой основы для функционирования Британского Содружества Наций, в состав которого были включены подконтрольные Великобритании доминионы и колонии.

Естественно, возникает вопрос – почему этот акт британского правительства стал важной вехой в истории Канады и в развитии ее политической культуры?

С одной стороны Статут отменял действие вновь вводимых законов без согласия доминиона и в то же время давал возможность доминиону принимать законы, противоречащие законам Великобритании, в той мере, в какой они являлись частью права доминиона, парламент доминиона мог принимать законы, имеющие экстерриториальное действие. С другой стороны, Статут еще в большей степени укреплял британскую политическую культуру через квази-ослабления для доминионов: членством в Содружестве, объединенных «общим подданством короле» и назначением генерал-губернатора в доминионе по совету его правительства. Кроме того, оставались в силе, в частности для Канады, писанная конституция (Акт о Британской Северной Америке 1867 г. со всеми ее изменениями до принятия Статута) и властные институты британского образца.

Эволюция канадской политической культуры после получения Вестминстерского статута 1931 г. отчетливо делится на два временных периода. Это период 1931–1982 гг. борьбы канадцев за получение полного юридического суверенитета. Обычно, последующим благотворным шагом для развития канадской государственности и канадской нации называют патриацию канадской конституции по решению монарха Великобритании Елизаветы II в марте 1982 г. посредством подписания Провозглашения о вступлении в силу Закона о Конституции 1982 г. как королевы Канады. Закон не повлиял на конституционные полномочия королевы над Канадой. Канада по-прежнему оставалась парламентской монархией. Второй временной период начинается с 1982 г. и длится по настоящее время, когда Канада находится в состоянии квази-республиканизма. В ее политической системе присутствуют канадские и британские атрибуты власти. Самы канадцы пытаются определить не только свою культурную идентичность, но и политическую, посредством одновременного дистанцирования от британской и американской политической культуры через осуществляемые институциональные реформы и в поисках своего пути национального и государственного строительства.

Пятьдесят лет борьбы за суверенитет Канады: роль Ф. Скотта и его сподвижников

Вестминстерский статут давал возможность, хотя и не в полной мере, начать движение за полный суверенитет от метрополии. Для этого необходимо было добиться права внесения конституционных поправок в Акт о Британской Северной Америке парламентом Канады, изменить подходы канадского Верховного суда по конституционным и гражданским делам, ограничить влияние института Тайного совета, повлиять на общественные представления в вопросе необходимости «социальной реконструкции», упорядочить федерально-провинциальные отношения.

Необходимость всех этих политических изменений хорошо понимали молодые мопреальцы, которые еще в 1930 г. организовали теоретический семинар, который должен был способствовать решению канадских проблем в области политики, экономики и социальной жизни. Итогом обсуждений семинара должна была стать публикация монографии. В состав этой группы входили Ф. Скотт, который выделялся своей активностью и стремлением с позиций «рационального морализма» содействовать к эффективным изменениям в канадском обществе, Брук Клакстон, Джон Фартинг, Юлжин Форси, Ронни Маккол, Терри Макдермот и Ролл Шаркин.

В 1931 г. Френсису Реджинальду Скотту было 32 года. Этот англоквебекец был выходцем из семьи двойного меньшинства: как англоканадец и протестант во франкоязычной католической провинции. Как писал его биограф, профессор Сандра Джва:

«Если молодой Скотт в 1920-е годы был поглощен поиском призвания, канадского искусства и морали, то в 1930-е годы он увлекся более масштабной проблемой – преобразованием канадского общества через политику и право» [1, p. 120].

Подобное движение в ноябре 1930 г. было организовано радикальными преподавателями Торонтского университета во главе с Френком Андерхиллом.

23 февраля 1932 г. эти две группы объединились, создав общественное движение – Лигу Социальной Реконструкции (ЛСР) и подписав соответствующий манифест.

Для того, чтобы иметь доступ к парламентской деятельности по предложению Ф. Андерхилла была создана политическая партия Федерация Кооперативного Содружества (ФКС), политическим лидером которой стал канадский рабочий авторитет Джеймс Шавер Вудсворт. По его предложению ЛСР присоединилась к ФКС в качестве политического клуба и независимой исследовательской организации.

В 1931 г. Ф. Скотт подготовил и прочел доклад в Канадской политической ассоциации на тему «Развитие канадского федерализма», который стал для Ф. Скотта на многие годы основой в планировании будущей конституции Канады [2, р. 35].

Лига Социальной Реконструкции, одним из руководителей которой стал Ф. Скотт, по сути, была канадской версией британского Фабиянского общества. Она очень быстро выросла и к 1933 г. имела 17 отделений от Монреаля до Ванкувера [3, р. 21–22].

Таким образом, можно утверждать, что в период национального кризиса времени Великой депрессии в Канаде появились интеллектуальные и политические силы, стремившиеся путем проведения реформ трансформировать общественные представления о политических традициях, смене ценностей, способствующих развитию канадской политической культуры. Безусловно, Вестминстерский Статут легитимизировал усилия этих канадцев в части возможности внесения изменений в канадское законодательство, прежде всего, в вопросах социального планирования; разрешить централизованный контроль над корпорациями, провести рационализацию канадской финансовой системы, осуществить принятие и введение в действие национального плана экономического развития и упразднение Сената [4, р. 217]. Вестминстерский Статут позволил вносить поправки в конституционный закон – Акт о Британской Северной Америке 1867 г. канадским парламентом, которые затем утверждались британским парламентом, т.е. «канадские законодательные органы получили право осуществлять суверенитет от имени Короны» [5, р. 20]. (Но дало ли это народу Канады ощущение суверенитета – ?).

Ф. Скотт систематизировал все поправки на три вида, которые он изложил перед специальной парламентской комиссией по пересмотру конституции в 1935 г.:

- обычные поправки, принимаемые большинством голосов парламента доминиона на совместном заседании Палаты Общин и Сената;
- поправки, затрагивающие права меньшинств должны быть одобрены всеми провинциальными законодательными органами;
- поправки федерального парламента в отношении полномочий провинции считать согласованными и принятыми, если в течение года, не поступили от нее возражения [6, р. 509].

Наше внимание в большей степени приковано к персоне Ф. Скотта потому что он один из немногих кто понимал, что успешное национальное и государственное строительство возможно только при достижении полного суверенитета

В 1942 г. после смерти Дж. Ш. Вудворта он возглавлял ФКС до ее трансформации в 1962 г. в Новую демократическую партию (НДП).

За это период он написал несколько работ о необходимости в послевоенное время конституционной реформы [7, р. 151].

В последствие Ф. Скотт продолжал настаивать на полном правовом суверенитете Канады вплоть до своей смерти в 1985 г.

Благодаря Ф. Скотту и его сподвижникам, в течение ряда лет (с 1940 по 1966 гг.) на федеральном уровне в Канаде состоялась трансформация социальной политики: было принято социальное страхование по безработице, выделены пособия многодетным семьям, изменена жилищная политика, позволившая решить в послевоенное время обеспечение канадцев жильем, выделены пенсии, обеспечивающие безопасную старость, расширено получение высшего образования, введены медицинская страховка для лечения и содержания в больницах [8].

Политика континентализма У.Л. Макензи Кинга и последующих премьер-министров по обретению полного суверенитета

Предвоенная политическая элита Канады и ее политическое руководство отлично понимали, что экономическое положение страны, имеющей экспортно-ориентированную экономику, в будущем во многом будет зависеть от развития североамериканского рынка, расширение которого тормозилось имперскими торговыми связями и ограничениями в сфере политического суверенитета.

В западной историографии принято считать, что объявление Великобританией войны Германии 3 сентября 1939 г., а Канадой – 10 сентября 1939 г. было канадским актом проявления национального суверенитета [9, р. 304], хотя в дневниках Макензи Кинга можно найти другое объяснение: эти несколько дней были необходимы президенту США Ф.Д. Рузвельту, чтобы нейтральным США осуществить сделку по передаче через Канаду воюющей Великобритании военные корабли.

Важным шагом экономической независимости Канады от метрополии стало подписание Гайлс-паркской декларации о расчетах за поставки по ленд-лизу между США и Великобританией, минуя Канаду. Это позволило последней не попасть в послевоенную долговую кабалу от США. Канадское экономическое послевоенное благополучие стало настолько прочным, что Канада подарила Великобритании по тем временам большую сумму – 1 млрд долл. США.

В свою очередь успехи, связанные с военной экономикой позволили Канаде сделать три важных шага на пути укрепления государственного суверенитета. Первым – стало принятие канадского закона о гражданстве в 1946 г., по которому Макензи Кинг получил паспорт за №1, вторым шагом стало прекращение всех обращений к Судебно-

му Комитету Тайного Совета в 1949 г., третьим – получение права канадскому парламенту вносить поправки в конституционный акт в областях, связанных с федеральной юрисдикцией.

На первый взгляд принятие канадского закона о гражданстве в 1946 г. было крупной победой Канады в вопросе государственного суверенитета. На самом же деле этот закон был обусловлен рядом положений, которые закрепляли британское влияние: канадский гражданин продолжал оставаться британским подданным, любой британский подданный имел право на канадское гражданство, любой член Британского Содружества, имевший статус или права как канадца до принятия закона о канадском гражданстве, продолжал считаться канадским гражданином. И только через 13 лет британские подданные были лишены специальных привилегий и получили те же права, что и все иностранные граждане.

Получение верховным судом Канады прав по обращениям в качестве последней инстанции не увеличивало суверенитет канадского государства, но означало, что теперь канадцы сами стали ответственны за интерпретацию действий канадских законодательных органов, которые осуществляли эти функции.

Что касается права внесения конституционных поправок, то этот шаг не оказал какого-то значительного влияния на суверенность, т.к. все конфликты и споры лежали в области провинциально-федеральных отношений.

Политика континентализма, продолженная правительствами Луи Сен Лорана, Дж. Дифенбейкера и Лестера Пирсона, создала предпосылки для разрыва связей в области конституционного законодательства, возможность для патронташи конституции, принятия Хартии Прав и Свобод и тем самым завершила формальную роль метрополии в управлении Канадой.

Конституционные поправки правительства П.Э. Трюдо и принятие новой канадской конституции – новый шаг к обретению полного суверенитета в период 1969–1982 гг.

С избранием в 1968 г. премьер-министром П.Э. Трюдо в Канаде вновь обратились к идее внесения конституционных поправок в Акт о Британской Северной Америке 1867 г. в части совершенствования канадской политической системы и развития канадских политических традиций. Внесение конституционных поправок правительством продвигалось через целевую программу реформ, завершить которую планировалось к 50-летней годовщине Вестминстерского Статута в 1981 г.

Конкретно, правительство предложило реформу Сената и Верховного суда, частичное изменение функций генерал-губернатора и пре-

мьер-министра, внесение изменений в институционализацию федерально-провинциальных отношений, включение в конституцию «Хартии прав и свобод, для защиты лингвистических прав и гарантии других прав и свобод» [10, р. 3].

Вопрос необходимости реформы канадского Сената возник задолго до введения Вестминстерского Статута 1931 г.

Так, в период 1906–1911 гг. в Палате общин обсуждался вопрос отмены пожизненного срока пребывания сенаторов в должности, предлагалось ограничить его тремя сроками Палаты общин, проведением ротации членов Сената согласно численности на две трети в течение семи лет.

В 1927 г. на провинциально-федеральной конференции обсуждались предложения по реформе Сената с главами провинций, но они особого интереса к этому вопросу не проявили, потому что все жизненно важные вопросы решались на уровне законодательных собраний провинций. В провинциях существовали политические партии, которые даже отказывались выставлять своих представителей на общие федеральные выборы. Такое отношение провинций к реформе Сената сохранялось до конца 1970-х гг.

Канадский Сенат, формируемый федеральным правительством, все в большей степени испытывал недостаток в полномочиях для выполнения представительских целей от лица провинций, и, по словам канадского исследователя Ф.А. Канза, стал выполнять «роль защиты второй линии (канадской – П.С.) политической системы» [11, р. 316].

Собственно Хартия Виктории 1971 г., продвигаемая премьер-министром П.Э. Трюдо, стала неудавшейся попыткой внесения конституционных поправок, в том числе и по реформе Сената. Он писал: «Сенат должен быть реорганизован, чтобы обеспечить более прямое и формальное, чем в настоящее время, выражение в нем интересов провинций. В то же время интересы страны в целом должны продолжать выражаться в Сенате, чтобы сохранить там влияние ради единства Канады» [12, р. 30].

Реформа Сената, предлагаемая правительством П.Э. Трюдо, заключалась в том, что сенаторы должны были быть частично отобранными федеральным правительством, частично исполнительными органами провинций (с одобрением или без одобрения законодательных органов). Роль Палаты общин в назначении сенаторов не рассматривалась [12, р. 30]. В 1972 г. Специальный совместный комитет по конституции, созданный в 1970 г. и состоящий из представителей федерального правительства и Сената, рекомендовал назначение сенаторов в духе предложенной реформы. Но федеральное правительство продолжало назначать сенаторов единолично. Комитет также пред-

должил представительство западных провинций в Сенате увеличить с шести до двенадцати чел., а вето Сената ограничить шестью месяцами [13, р. 33].

Программа правительства П.Э. Трюдо «Время действовать» [14] нашла свое сконцентрированное выражение в законопроекте С-60 (Bill C-60). В этом законопроекте правительством предлагалось:

- переименовать Сенат в Палату федерации;
- члены Палаты федерации должны избираться посредством косвенного отбора – провинциальными законодательными собраниями и Палатой общин на основе пропорционального представительства от проживаемого населения в провинциях;
- Косвенный отбор должен был проходить после всеобщих федеральных выборов и справедливо отражать политические предпочтения избирателей [15].

Конституционные поправки 1978 г. фактически затронули федеральные и провинциальные полномочия, изменения в которых не допускалось Актом о Британской Северной Америке 1867 г. Правительство П.Э. Трюдо так объясняло необходимость изменений: «Федеральные и провинциальные законодатели представляют региональные интересы, хотя и с разных точек зрения. Из этого следует, что федеральные и провинциальные законодательные органы и политические партии должны играть определенную роль в выборе членов второй палаты [Палаты федерации – *И.С.*]. С большим количеством партий, представленных во второй палате <...> дебаты, вероятно, были бы более энергичными, а противостояние различных взглядов и их примирение, вероятно, были бы более открытым процессом» [16, р. 11].

Эти новые подходы канадского правительства к формированию членов Сената также вызвали критику на различных уровнях власти, и к тому же они отнимали существенную прерогативу победившей политической партии, использовать принцип «Победитель получает все» – через партийное правительство назначать лояльных для партии сенаторов.

Что касается реформы Верховного суда, то предложения правительства носили половинчатый характер. С одной стороны, Верховный суд Канады представлялся как конечная судебная инстанция в решениях по конституционным вопросам, но с другой, как орган по поддержке решений в области социальной политики, соблюдения общественных и личных прав. Как считают Ф.Л. Мортон и Р. Клифф: «Оракуляризм суда особенно очевиден в его приверженности “нейнтерпретативистскому” подходу к толкованию конституции. Нейнтерпретативизм подчеркивает необходимость конституционной гибкости

и, следовательно, «судебного обновления» конституционных принципов с учетом меняющихся социально-экономических условий» [17, р. 62].

По мнению Карла и Одден Бар, Верховный суд Канады сознательно отошел от традиционного британского стиля и преобразовался в суд, для выпуска широких деклараций по конституционной политике с целью решения стоявших социальных проблем [18, р. 1–2]. Ярким примером тому следует считать решение Верховного суда Канады о праве женщин на аборт, праве, которое не посмели включить авторы Хартии прав и свобод в ее текст.

Правительство П.Э. Трюдо, предлагая реформу Верховного суда, и включение его в качестве неотъемлемой части канадской конституции, одновременно предлагало усилить роль провинций в назначении судей Верховного суда [19, р. 3]. Нельзя не отметить, что роль Верховного суда значительно возросла с принятием канадского «писанного» билля о правах – Хартии прав и свобод, что по замечанию Гарета Морли сделало судей новой аристократией Канады [20].

Что касается правительственной и церемониальной роли генерал-губернатора, то правительством П.Э. Трюдо было решено не вносить существенных изменений, так как сама по себе патриархия конституции, по сути, должна была оставить существующие функции представителя монарха, но они должны осуществляться в рамках канадской конституции. Поэтому, Парламент Канады как институт должен состоять из генерал-губернатора и двух палат, канадские законы должны приниматься от имени генерал-губернатора, только канадские граждане имели право выдвигаться на эту должность, а королева продолжала назначать на эту должность и требовать осуществление ее власти в Канаде [10, р. 26].

Тайный Совет по предложению правительства должен называться Государственным Советом, а правительственный кабинет, состоящий из премьер-министра и министров, имеющих квалификацию члена, либо кандидата в члены Палаты общин, члена Сената, должен входить в состав Государственного Совета как его комитет и исполнять в нем полномочия, обязанности и функции Государственного совета.

Значительные изменения предлагалось внести в институционализацию федерально-провинциальных отношений через принятие решений конференциями первых министров. Правительством предлагалось четыре крупных изменения:

- ежегодные конференции первых министров, имеющие конституционный статус;
- право федерального правительства объявлять для любой провинции выполнения проектов, поддерживающих статус государства

всеобщего благосостояния, с предварительной консультацией федерального правительства и провинции:

- назначение вице-губернатора производить по предварительной консультации с провинцией;
- федеральные трансфертные платежи не могут быть уменьшены или отменены, и они регулируются статьей 99 [10, р. 29].

Все вышеперечисленные изменения предлагалось внести в качестве конституционных поправок. Понятно, что работа правительства в этом направлении создавала предпосылки для создания новой канадской конституции, существенно увеличивающей государственный суверенитет. Поэтому патристию конституции можно рассматривать как новый компромисс с метрополией по передаче дополнительного суверенитета Канаде после Вестминстерского Статута 1931 г.

Подтверждение этому заключению можно найти в самом Конституционном акте (КА) 1982 г. Раздел 41 КА предполагает, что канадские законодательные органы могут изменить не только полномочия исполняемые Коронаой, но и само положение о правах Короны как исполнительной власти, но они пока этого не делают [20, р. 66–67].

Другими словами, с принятием КА 1982 г. формально суверенитет Короны в Канаде – юридическая фикция. Он продолжал существовать только благодаря бездействию канадских законодательных органов по его полному прекращению.

Кроме того, это утверждение позволяет сделать четыре взаимосвязанных вывода:

- первый заключается в том, что законодательные институты (Палата общин и Сенат), созданные в условиях британской политической традиции, в качестве самосохранения продолжали и продолжают сопротивляться проведению конституционных реформ;
- второй – сопротивление преобразованиям будет продолжаться и не стихать, пока канадский электорат будет позволять им существовать в их современном состоянии в силу сложившихся канадских политических традиций;
- третий – полнота канадского суверенитета заключается в самом канадском населении, которое является его носителем и в его желании к переменам;
- четвертый – выбор населением определенного состава законодателей, предопределяет судьбу Короны в Канаде.

Но, кроме проблемы достижения полного национального суверенитета, Канада получила внутреннюю проблему – единства канадских сообществ.

Как полагает Габриэлла Эспак конституционные изменения 1982 г. усугубили основное культурное противоречие между культурными особенностями самоуправляемых сообществ и продвижением мультикультурализма как государственной политики с 1971 г., создававшей, по мнению правительства П.О. Трюдо основы канадского единства [21].

Более того, включенность (inclusionary) политики мультикультурализма стало наполнять с одной стороны новую идентичность канадского гражданства, а с другой – нивелировать самобытность и историко-культурные традиции двух наций, основавших Канаду [22, p. 366].

Выводы

1. Вестминстерский Статут 1931 г. дал возможность канадцам продолжить свою борьбу за полный суверенитет с метрополией через внесение конституционных поправок, изменения в партийной системе, проведение политики континентализма, внесение изменений в федерально-провинциальных отношениях, которые строго регламентировались Актом о Британской Северной Америке 1867 г.

2. Принятие Конституционного акта 1982 г. с Хартией прав и свобод ограничило суверенитет британской Короны в Канаде, но сохранило британские традиции и ценности как в канадских политических институтах, так и в умах самих канадцев.

3. В эволюции канадской политической культуры создался парадокс. Канада получила полный суверенитет, но в ней продолжала править британская монархия. Квази-республика с большим трудом стала преодолевать характерные черты, свойственные британской политике, британские политические традиции и ценности, которые мешали созданию отличительных канадских политических традиций и ценностей.

4. Как показали дальнейшие события, наибольшие проблемы патриархия конституции внесла в федерально-провинциальные отношения, нарушив их регламентацию, которая определялась действующим Актом о Британской Северной Америке 1867 г.

5. Кроме того, конституция усугубила основное культурное противоречие между культурными особенностями самоуправляемых канадских сообществ и продвижением государственной политики мультикультурализма с 1971 г., как основы единства Канады.

6. Более того, включенность политики мультикультурализма стала создавать с одной стороны новую идентичность канадского гражданства, а с другой – нивелировать самобытность и историко-культурные традиции двух наций, основавших Канаду.

References

1. Djwa S. The politics of the imagination: a life of F.R. Scott. Vancouver: Douglas & McIntyre. 1989. – 548 p.
2. Scott F.R. The Development of Canadian Federalism. Essays on the Constitution: Aspects of Canadian Law and Politics Toronto: University of Toronto Press. 1977. – 450 p.
3. Horn M. The League for Social Reconstruction: Intellectual Origins of the Democratic Left in Canada 1930–1942. Toronto: University of Toronto Press. 1980. – 296 p.
4. Horn M., Scott F. The League for Social Reconstruction and the Constitution in Canadian Constitutionalism: 1791–1991. Ed. by Janet Aizenstat. Ottawa: Canadian Study of Parliament Group. 222 p. [Electronic source]. – URL: http://esp-gcsp.ca/pdf/1991_11-e.pdf (accessed: 20.09.2021)
5. Bercuson D.J., Cooper B. From Constitutional Monarchy to Quasi Republic: The Evolution of Liberal Democracy in Canada in Canadian Constitutionalism: 1791–1991. Ed. by Janet Aizenstat. Ottawa: Canadian Study of Parliament Group. 222 p.
6. Social planning for Canada by League for Social Reconstruction. Research Committee. Toronto: T. Nelson. 1935. 356 p.
7. Canada after the war: studies in political, social, and economic policies for post-war Canada / Ed. by A. Brady and F. Scott. Toronto: Macmillan Co. of Canada. 1943. – xii, 348 p.
8. Lewis D., Scott F. Make This YOUR Canada: a review of C. C. F. history and policy. Toronto: Central Canada Pub. Co. in Toronto. 1943. – 223 p.
9. Canada after the war: studies in political, social, and economic policies for post-war Canada / Ed. by A. Brady and F. Scott. Toronto: Macmillan Co. of Canada. 1945. – 368 p.
10. Thompson J.H. Canada 1922–1939: decades of discord. Toronto: McClelland and Stewart, 1986. – 458 p.
11. The Constitutional Amendment Bill: explanatory document. Ottawa: Government of Canada. 1978. – 29 p.
12. Kunz F.A. The modern Senate of Canada. 1925–1963. Toronto: University of Toronto Press. 1965. – 395 p.
13. Trudeau P.E. The constitution and the people of Canada = La constitution canadienne et le citoyen. Ottawa: Queen's Printer. 1969. – 87 p.
14. Final Report of the Special Joint Committee of the Senate and of the House of Commons on the Constitution of Canada Ottawa: Queen's Printer for Canada, 1972. – 128 p.
15. Trudeau P.E. Time for Action: Toward Renewal of the Canadian Federation. Ottawa: Office of the Prime Minister. 1978. – 28 p.
16. Lalonde M. Constitutional Reform: House of the Federation. Ottawa: Government of Canada. 1978. – 35 p.
17. Morton F.L., Knopff R. The Supreme Court as the Vanguard of the Intelligentsia: The Charter Movement as Post-materialist Politics // Canadian Constitutionalism: 1791–1991 / Ed. by J. Aizenstat. Ottawa: Canadian Study of Parliament Group. – 222 p.

18. Baar C., Baar E. Diagnostic Adjudication in Appellate Courts: The Supreme Court of Canada and the Charter of Rights // *Osgoode Hall Law Journal*. 1989. No. 21. P. 1-25.

19. Morley G. Judges: Canada's New Aristocracy. An interview with Allan Blakeney // *Inroads – The Canadian Journal of Opinion*. 2006. # 18. [Electronic source]. – URL: <https://inroadsjournal.ca/judges-canadas-new-aristocracy/> (accessed: 21.09.2021)

20. Constitution Acts, 1867 to 1982. Ottawa: Works and Government Services Canada. 2013. – 101 p.

21. Espák G. E. Cultural Visions and Constitutional Reforms in Canada in the 1980s and 90s. [Electronic source]. – URL: <https://dea.lib.unideb.hu/dea/handle/2437/294874> (accessed: 22.09.2021)

22. Stasiulis D.K., Abu-Laban Y. Ethnic Pluralism under Siege: Popular and Partisan Opposition to Multiculturalism // *Canadian Public Policy*. 1992. Vol. 18. No. 4. P. 365–386.